

Яхонтов И. К. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». – СПб., 1883. – Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. – С. 3–15.

Яклюшина М. С., Екатеринбург
(науч. рук. – Приказчикова Е. Е.)

**Правитель и новгородская свобода в стихотворной повести
М. М. Хераскова «Царь, или Спасённый Новгород»**

Yaklyushina M. S.
**The Ruler and Novgorod's freedom in the epic poem «Tsar, or
Novgorod saved» by M. M. Kheraskov**

В статье рассматривается концепция свободы, отражённая в стихотворной повести М.М. Хераскова «Царь, или Спасённый Новгород», с учётом предшествующей литературной традиции и контекста написания. Выделяется значимость для произведения софиократического идеала правителя и реакции автора на события Великой французской революции.

Ключевые слова: М.М. Херасков, литература XVIII века, правитель, власть, свобода, вольный Новгород, стихотворная повесть.

In this paper we look at the concept of freedom represented in the epic poem «Tsar, or Novgorod Saved» by M.M. Kheraskov, taking into account precedent literary tradition and context of the poem's creation. Special attention is paid to ideas that shaped aspects of the epic poem, like russiansophiocraticideal of a ruler and the French Revolution.

Keywords: M.M. Kheraskov, XVIIIcentury literature, Novgorod saved, authority and freedom in literature.

Одна из вечных тем в литературе – взаимоотношения правителя и народа. Она имеет много возможностей для развития, множество граней. В истории литературы через завязанные на этой теме сюжеты раскрывались самые разные проблемы: вопросы свободы, тирании, общественного блага, личные трагедии. В мировой словесности мы можем увидеть тысячи лет развития этой темы, от трагедии «Антигона» Софокла и «Республики» Платона до антиутопий XX века («Мы» Е.И. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла, «О дивный новый мир» О. Хаксли).

В русской литературе фигура правителя также довольно часто привлекала к себе внимание поэтов и писателей. Ещё в памятниках Древней Руси мы находим напряжённые размышления о природе княжеской и царской власти, об идеальных государствах и государях. «Наибольшее место в древнерусской

культуре уделялось софиократической утопии, описывающей правление мудрецов. Идеальное государство требует и идеального правителя, мудреца. Жизнь такого правителя – служение высшей цели, высшей идеи. В русской традиции – это идея софийности» [1, 46]. Ярko воплощается эта проблематика в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в «Сказании о Магмете-салтане», в «Переписке Ивана Грозного с князем Курбским».

Одна из самых горячо обсуждаемых проблем начиная с XVIII века, один из самых часто возникающих сюжетов о взаимоотношениях правителя и народа – призвание Рюрика на княжение в Новгород и противодействие ему Вадима Храброго, поборника новгородской свободы. Возникает этот эпизод русской истории и в творениях деятелей русского Просвещения, и у писателей-декабристов, у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, в дискуссиях конца XIX в., в советской литературе, даже в современном фэнтези [подробнее о проявлении этого сюжета в русской литературе см. 2 : 75-78]. По отношению к т.н. «норманнской проблеме» (дискуссии о призвании иноземцев-варягов на княжение в Новгород и о том, что это значит для русской культуры и государственности) в литературе можно многое сказать не только о взглядах писателя, но и о состоянии современного ему общества.

Впервые в русскую художественную литературу этот сюжет внесла Екатерина II в драме «Подражание Шекспиру, историческое представление из жизни Рюрика», написанной в 1786 году [3]. Здесь Вадим предстаёт как вельможа, сеющий смуту, а Рюрик – как просвещённый монарх, более предпочтительный для народа, несмотря на иноземное происхождение. Чаше всего рядом с драмой Екатерины упоминают ещё две трагедии с тем же сюжетом – «Вадим Новгородский» (1789г.) Я.Б. Княжнина [4] (в ней и современники, и исследователи замечают тираноборческие мотивы), и «Рюрик» (1791г.) П.А. Плавильщикова [5].

Но очень часто из нашего поля зрения пропадает ещё одно произведение, которое развивает тот же сюжет. Это стихотворная повесть Михаила Матвеевича Хераскова «Царь, или Спасённый Новгород», написанная в 1800

году. Спасать Новгород нужно было от «ужасов безначальственного правления», виновником которых послужил знатный юноша Ратмир – персонаж, который, как противник Рюрика, здесь заменяет Вадима Храброго. Автор был хорошо знаком с текстами предшественников, а некоторые исследователи уверены, что поэма напрямую полемизирует с тираноборческой концепцией в трагедии «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина. Например, А.В. Западов пишет: «Херасков безоговорочно осуждает своего Ратмира-Вадима, через его образ, ведя полемику с Княжнинным и пользуясь случаем излить свою неприязнь к Французской буржуазной революции» [6: 215]. В поэме размышления предшественников, позиция М.М. Хераскова и опыт Великой французской революции, действительно неразрывно соединены, а жанр и повествовательная манера автора дают современному читателю куда более подробную и ясную картину того, какой оборот приняла данная проблема на рубеже XVIII-XIX веков.

В «Спасённом Новгороде» известный сюжет разворачивается, в целом, следующим образом. Мирный Новгород процветает под мудрым правлением почтенного боярина Гостомысла. Но есть проблема: Гостомysl стар, его сын мёртв, наследника для управления государством нет. Дочь Гостомысла, Либеда, могла бы дать городу нового государя, выйдя замуж, и у неё уже есть избранник – Изонар. В это время в повествование входит Ратмир – богатый, красивый, знатный и чрезвычайно тщеславный молодой человек. Первое, что читатель узнаёт о Ратмире – то, что он совратил девушку по имени Пламена. Гостомysl встречается с Ратмиром, чтобы наставить того на путь добродетели. Ратмир же хитростью и лестью пытается убедить боярина отдать Либеду за него замуж. Гостомysl вежливо отказывает, и вскоре Либеда и её возлюбленный Изонар женятся.

Ратмир, таким образом, лишается возможности мирно войти в правящую семью, к тому же тщеславие его уязвлено отказом девушки. В злобе своей он обращается к другому способу захватить власть – поднять восстание и перебить соперников руками черни. С помощью золота, красноречия и обещаний

свободы Ратмиру удаётся разжечь недовольство среди горожан. В Новгороде начинаются погромы и убийства.

Гостомысл оставляет подданных на попечение Либеда и Изонара и отправляется за стены, на могилу сына, где ему является Премудрость и советует призвать на княжение Рюрика. Боярин отправляет гонцов с дарами к варягам, а сам остаётся ждать их возвращения вне города. В это время внутри стен творятся различные ужасы: сыновья идут против отцов, горят терема, происходят грабежи. Ратмир с верными воинами врывается в дом Гостомысла, чтобы захватить Либеду и Изонара, выпытать у них, где скрывается Гостомысл, и наконец очистить себе путь к власти. Либедде удаётся бежать, и она, уверенная в смерти мужа, передаёт все несчастья города отцу. Пленённый же Изонар ничего не рассказывает Ратмиру.

Является Рюрик с войском. Либеда возвращается в город, чтобы показать жителям и Ратмиру нависшую над ними угрозу, убедить их прекратить борьбу. Её и Изонара в ответ заключают в темницу, и Ратмир даёт приближённому приказ: если Рюрик начнёт побеждать, супруги должны быть убиты. Рюрик пытается решить проблему миром, не желая сражаться с будущими подданными, однако в итоге всё решает битва. Ратмир окружён и закован в цепи, горожане впускают нового князя в город. Изонар и Либеда всё-таки остаются живы. Ратмир бросается на меч. Гостомысл при поддержке народа просит Рюрика принять власть над Новгородом, Рюрик соглашается – при условии, что Гостомысл будет его ближайшим советником.

В последней песни, своеобразном эпилоге, показан Новгород, процветающий при Рюрике. Самому князю является Россия и показывает в видении важные моменты истории отечества – вплоть до авторского времени, правления императора Павла. После чего Россия вводит Рюрика в храм, представляет ему прекрасную деву – будущую царицу, и благословляет их род на победы и счастье.

Важная особенность поэмы «Царь, или Спасённый Новгород» в том, как исторический сюжет неразрывно сплетается с рефлексией о событиях Великой

французской революции. Можно было бы сказать, что в поэме представлена крайне реакционная точка зрения на недавние для автора события, но М.М. Херасков и в более ранних произведениях, задолго до этих событий, изображал идеальное правление как правление просвещённого монарха. Ещё за три десятилетия до написания поэмы, которую мы рассматриваем, образ идеального императора-философа был дан Херасковым в романе «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» [7]. В «Спасённом Новгороде» автор просто добавляет к своим убеждениям ещё один аргумент в пользу просвещённой монархии – от обратного, показывая, что бывает, по его впечатлению, при народной власти.

Схожее отношение М.М. Хераскова к новгородским событиям и французской революции вполне прямолинейно декларируется уже в предисловии к поэме: «...весь ужас безначальственного правления, пагубу междоусобий, бешенство мнимой свободы и безумное алкание равенства – к сожалению моему нашёл я некоторые, хотя изглаженные ... следы злосчастного возмущения в Российской истории, когда Великий Новгород при боярине Гостомысле возмутился... Признаюсь, что разительнейшие черты страшного мятежничества перенёс я в мою Повесть из пагубного переворота беснующейся Франции, позор века нашего написующего, стыд роду человеческому наносящего, и меру возможных злодейств преизполняющего» [8. : 1-2].

В основном неприязнь, которую выказывают герои поэмы к «свободе», происходит от самого хаоса переворота, от кровопролития и разрушения. Например, Гостомысл так объясняет свою позицию в одном из монологов против восставших: «Мечтающаяся вам свобода / Есть крепки узы для народа / И самый тягостный ярем. / Претит беседовать и мыслить, / Именье собственностью числить, / Суды реши огнем, мечем. / Вы зло свободы доказали, / Как дома жгли, людей терзали» [8. С.122]. Но почему те же люди, которые мирно жили при правлении Гостомысла и мирно будут жить при правлении Рюрика, во время восстания «суды решат мечом»? С авторской точки зрения воля государя – это то, что удерживает страсти подданных,

напоминает им о надличностных ценностях: «Когда народ не знает власти / И следует мечте своей, / Тогда взбунтуют наглы страсти, / Как звери сорваны с цепей; / Заступит где Царя свобода, / Молчит родство, молчит природа, / Свирепство суд, законы меч» [8. С.73].

Если Я.Б. Княжнин в «Вадиме Новгородском» стремится найти компромисс между русской вольностью (идеальным чувством свободы) и государственной властью [9 : 9], то М.М. Херасков отвергает саму мысль о таком компромиссе, видя в вольности и желании «безумного равенства» плоды грехопадения, духовной слепоты человечества.

Герои, представленные в поэме как мудрецы, голос разума, поддерживают уверенность в невозможности установить политическое равенство, «свободу» в понимании Ратмира и деятелей французской революции, тем, что и в природе равенства нет. «Стезями страшного равенства / Он ищет общего блаженства; / Но в мире сем равенства нет! / На весь состав взгляни вселенной, / В громаде сей совокупленной: / То хлад, то зной, то тьма, то свет; / Не можно нам равенства чаши / В одной черте установить; / Устав сей древни предки наши / Старались свято сохранить» [8 : 93].

Политической свободе в поэме противопоставляется истинная, внутренняя свобода человека. Ещё в самом начале поэмы, при правлении Гостомысла, состояние Новгородцев автор выражает одной максимой: «Народ свободный без свободы» [8: 8]. Имея уверенного в себе, мудрого правителя и судью, «праотца семейства», жителям не приходится задумываться о власти и устройстве жизни, и они могут отдать больше времени самосовершенствованию. Восстание Ратмира прекращает это внутреннее спокойствие горожан, и уже Рюрик в своё правление вынужден заново открывать жителям эту истину: «Все тоны Рюрик согласил; / Отца в себе, а не кумира / Любить Россиян научил; / Внушил народам их блаженство, / Что в правосудии равенство, / Не в безначальстве состоит» [8: 231].

Всей своей стихотворной повестью автор хочет донести до своего читателя два важных для него поучения, повторяя их в заключительных

строках поэмы. Первое мало относится к сегодняшним реалиям, но кое-что говорит нам с исторической точки зрения: «Связуют общество законы, / Законов выше князьки троны, / Цари, сидящие на них / Суть боги подданных своих» [8: 245]. А второе вполне подходит для любого времени и общества: «Внемлите старцу, о народы! / Для правды любящему жить: / Нет в жизни нам иной свободы, / Как зло или добро творить» [8: 245].

Литература

Чумакова Т. В. Ностальгия по раю. Утопический контекст древнерусской мысли // *Verbum*. 2001. Вып. 3. СПб.: Изд-во Философского общества. С. 39-60.

Каратовская В. В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература // *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2011. № 347. С. 75-78.

Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями / А.Н. Пыпин. Т. 2. Драматические сочинения. СПб., 1901. С. 220-251.

Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский // *Русская литература. Век XVIII. Трагедия.* М.: Художественная литература, 1991. С. 545-592.

Плавильщиков П. А. Рюрик // *Русская литература. Век XVIII. Трагедия.* М.: Художественная литература, 1991. С. 593-642.

Западов А. В. Поэты XVIII века. М.: Изд-во Московского университета, 1984.

Херасков М. М. Нума Помпилий, или процветающий Рим // *Творения М. Хераскова. Часть 12.* М.: В Университетск. Тип., 1803.

Херасков М. М. Царь, или Спасённый Новгород. М.: В Университетск. Тип., 1800.

Кокшeneва К. А. О вольности и свободе («Вадим Новгородский». Сочинение Я.Б. Княжнина) // *Филологические науки*. 1993. № 3. С. 3-10.

*Шабурова Л. С., Екатеринбург
(науч. рук. – Граматчикова Н. Б.)*

Формирование образа «вражних» на фольклорном материале поселка Гари 1977 и 2015 гг.

Shaburova L. S.

Vrazhnyie in the village of Gary: the specificity of the image and functions

Статья посвящена комплексному исследованию образа и функций «вражних» в быличках фольклорной экспедиции 1977 года в п. Гари (Свердловская область). Материал рассматривается в сопоставлении с